

Влияние дискурса чешско-польских отношений XIX века на позиции участников "диспута о русско-польском споре" 1891 года

Научный руководитель – Ненашева Зоя Сергеевна

Кирчу Павел Кириллович

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Исторический факультет, Кафедра истории южных и западных славян, Москва, Россия

E-mail: p.c.carciu@gmail.com

Томаш Масарик писал, что с самого начала важным фактором национального возрождения славянских народов была опора на других славян [Масарик, 2000]. И с этим трудно поспорить. Сами чехи на протяжении всего XIX века были образцом выстраивания национального нарратива для многих славянских народов империи Габсбургов. Но, не смотря на претензии на "нчто въ род чешской гегемоніи" которые Михаил Бакунин отмечает у лидеров чешской национальной партии ещё в 1848 году [Бакунин, 1921], сами чехи также постоянно «оглядывались» на других славян. И прежде всего, в поле их зрения попадали царская Россия и разделённая Польша. Противоречивость этих двух славянских образцов и их взаимосвязь привели к некоторой дихотомии в рефлексии их опыта в самой внутренней, чешской жизни. Чешская общественная дискуссия так или иначе продолжала обращаться к польской теме вплоть до создания независимой Чехословакии, а чешская контркультура и на протяжении XX века.

Такой интерес вполне понятен. Чехи и поляки - два близких и этнически, и культурно народа, имеющие как древнюю славную историю, так и схожую трагическую судьбу. При этом не стоит также забывать о том, что, практически параллельно с артикуляцией «чешскости», чешское общество также развивало идею «славянской взаимности». Однако, чешское восприятие Польши и поляков не было столь идиллическим, как это может показаться. И дело даже не в наивном русофильстве, с которым чехи вошли в эпоху своего национального возрождения, но в значительной разнице внутренней жизни двух таких близких обществ. Энтони Смит считает чешский национализм рациональным, нетипичным для Европы, восточнее Рейна [Smith, 1991], а в другой своей работе даже называет чехов образцовой «интеллигентской» нацией. Исторический же путь поляков в XIX веке можно, в терминологии Смита, назвать превращением аристократической «ethnie» в нацию, густо замешанным на романтизме и крови, добавляет уже от себя автор. Эта разница, и более того, её не понимание, как представляется, и составляют суть проблемы дискурса чешско-польских отношений XIX века.

В историографию этой темы значительный вклад уже в межвоенное время внёс чешский историк Вацлав Жачек, автор фундаментальных трудов, посвящённых двум ключевым датам в польско-чешских отношениях - 1848 и 1863 годам. Также в рамках изучения русско-чешских отношений чешские историки традиционно большое внимание уделяют польской проблематике, будь то современник Жачека Йозеф Йирасек, или же уже наш современник Вратислав Доубек. Кроме того, обычно так или иначе эту тему затрагивают авторы, изучающие в общем тематику славянской идеи и панславизма, такие как М. Б. Петрович. Однако, все эти труды так или иначе обращаются, в основном, к польским восстанием, славянскому съезду в Праге, или же уже в меньшей степени к политическому развитию 1860-ых - 1870-ых годов. При этом развитие польской тематики в чешской

мысли рубежа веков, как правило, остается без внимания, даже когда речь идёт, например, о взглядах Масарика на поляков и Польшу, о которых написано довольно мало и, в основном, по-польски [Kaleta, 2015].

А между тем, это эпоха, во многом, переломная для чешской общественной мысли. Вновь возникает интерес к понятию национального, интерпретируется и переинтерпретируется само понимание «чешскости». 90-ые годы можно понимать как очередной период переопределения национальных чувств [Smith, 2004]. И тем интереснее, как в это время осмысливается славянская идентичность, в частности польский дискурс в чешском обществе, и в какой степени он опирается на национальную традицию, а в какой реинтерпретируется.

Полезным источником по этой теме представляется, так называемая, «полемика о русско-польском споре», - серия публикаций в журнале “Čas” в 1891 году. Полемику вызвала серия публикаций Карела Крамаржа о России, и в ней, в частности, интересны позиции Томаша Масарика и Эдварда Йелинека.

Говоря вкратце, Масарик в полной мере наследует чешской «рациональной» традиции, от части вставая над спором.

Но при этом эту традицию он стремится перенести из области актуальной политики в область национального прошлого, встать от Палацкого также далеко как от Яна Гуса, и утвердить собственную интерпретацию национальной тактики. И эти же цели во многом преследует, обращаясь к польской тематике. Вступаясь за Польшу, он полемизирует с русофильством и излишнем легализмом, а критикуя тактику поляков, он критикует остатки радикалов старого толка в чешском обществе.

Крамарж, наследуя, в свою очередь, как русофильской традиции, так и оппозиционности национальной партии в эпоху Аусгляйха, это совсем другое дело. Он ищет аутентичности в условиях национального сдвига. Пытаясь ответить на вопрос, каким должен быть чех, он ставит вопрос, каким должен быть славянин. Его русофильство - это не гордость за могущество пусть и чужое, но могущество соплеменника, а поиск наиболее точного выражения идеи славянства, в которой он видит источник аутентичности. И он отказывает в ней полякам лишь для того, чтоб не отказывать чехам.

Йелинек здесь представляется фигурой байронической. Последний значимый радикал, в традиционном чешской смысле, взращённый и разочарованный эпохой пассивной оппозиции и малых дел. И поэтому его полонофилия балансирует уже на зыбкой грани между славянской взаимностью и ксенопатриотизмом.

Источники и литература

- 1) Бакунин М. А. Исповедь и письмо Александру II. М., 1921. С. 77.
- 2) Smith A. D. National identity. 1991. P. 81.
- 3) Масарика Т. Г. Россия и Европа. Т. 1. СПб., 2000. С. 288.
- 4) Smith A. D. The Antiquity of Nations. Cambridge, 2004. P. 3.
- 5) Kaleta P. Tomáš Garrigue Masaryk a polská problematika//Doubek V. Květina J. Korespondence. Praha, 2015. S. 7.